

Изюминка захолустья

Уроки человеческой речи Любови Никоновой

ЮБИЛЕЙ

Дела поэта — его слова. Биография — сводится в конечном счете к написанным стихам и вышедшим книгам. Юбилей — не самая важная временная точка для самого поэта, но для читателей, друзей, коллег по литературному цеху — возможность окинуть взглядом пройденный путь и перечитать старые и новые книги. И оценить их не как разрозненные сборники, а как отрезки одного непрерывного пути.

Первая книга Любови Никоновой вышла, когда ей было двадцать три года. Молодую поэтессу в предисловии приветствовал Игорь Киселев, говоря об "ожидании чуда" и о том, что ее дорога в поэзии будет сложной, предельно трудной, но и радостной. "Скрипичный ключ" действительно обещал чудо. Пристальность взгляда автора и чуткость слуха местами поражает даже сегодня. Порой этот взгляд напоминает кинематографический прием, свежий тогда, но не ставший расхожим и сейчас:

*И вот, попав
в замедленную съемку,
осенний лист иль
стебель камыша
так плавно наклоняется
в сторону;
что замирает
перед ним душа.*

То же изощренное зрение и в стихах о радужных крыльях осенних стрекоз, сквозь которые смотрит автор, видя мир преобразованным и чудесным. О чуткости слуха свидетельствует целый оркестр, звучащий в книжке: рояль, клавишин, скрипки, флейты. Но главное — эта книга, как камертон, задавала ноту, по которой выверялись следующие сборники. Эта ясная нота, звучащая в лучших стихах Любови Никоновой, рождается как отклик на поэзию Николая Заболоцкого.

Возможно, тогда о влиянии Заболоцкого и Тарковского говорить вслух было не принято, но сегодня в первой книжке Любови Никоновой интонации этих поэтов (помимо некоторых других) отчетливо различимы. Если кто думает, что я упрекаю ее в подражании или даже заимствовании, то он попадает пальцем в небо. Лучше испытывать влияние (не переходящее в рабское копирование, конечно) больших поэтов, чем писать унылые правильные стихи, похожие на всю поэзию вообще.

Натурфилософская прививка дала щедрые плоды в книгах "Праземля"; "Я живу под столетней ветлой" (изданной в Москве) и сборнике "Перед чудом жизни", объединившим стихи и прозу. Все они вышли в восьмидесятые годы. Лучшие стихи глубоки и многослойны, они наполнены мыслью, оставаясь вещественными и материальными. Эти книги очертили мировоззрение поэта, которое очень приблизительно можно определить как русский космизм. Живое и мертвое, природа и техника, человек и животное, дух и

материя — это круг вопросов, задаваемых поэтом. Характерная строчка: "Трава — состояние духа". Эти стихи, при всей философской насыщенности, конкретны и подробны. В них живут не просто дерево, цветок и птица, а осокорь, скажем, мышиный горошек и сорока. Все живое описано с дотошностью натуралиста и достоверностью сновидца:

*Проплзают жуки:
то землистые,
то горящие, как фопари.
Залезают
в деревья дуплистые
пчелы с медом
текучим внутри.*

Перечитывая эти стихи, я поразился: они тематически и интонационно почти полностью совпадают со стихами замечательной саратовской поэтессы Светланы Кековой. На ее стихах тоже лежит печать Заболоцкого, они так же населены разными мелкими живыми тварями, насекомыми, травами, рыбами... Я уверен, что Любовь Никонова двадцать лет назад знать не знала о существовании Кековой, и обратно... Но они иногда похожи, как сестры. В этом есть какая-то загадочная закономерность — ведь детство Любови Никоновой прошло как раз в Поволжье. А детские впечатления у поэта определяют если не все творчество, то очень многое. Этих поэтесс роднит ощущение природы и всего живого как целого, как равноправных собеседников. Поэт учится у природы ее языку, а братьев меньших учит своему:

*Я говорила с птицами
в тени.
Давала я цветам уроки речи.
И много позже все еще они
умели говорить
по-человечьи.*

Не так ли проповедовал пернатый святой Франциск Ассиз-

ский? И кажется, что все живые твари в этих стихах начинают говорить на нашем языке, отвечая на вечный вопрос о происхождении жизни. Ощущение природы, космоса, мироздания как тайны — самое драгоценное, что есть в стихах Любови Никоновой.

В последние десять лет стихи ее становятся абстрактней, умозрительней, суше, риторичней. Горечь, открытая публицистичность, почти плакатность, сиюминутность и злоба дня смешивается с вечным. О ее, условно говоря, религиозных стихах (а их большинство в последние годы) попробую сказать осторожно: они мне кажутся не вполне органичными. Возможно, опыт общения с природой, данный с детства, с рождения, глубже и естественнее воплотился в стихах, нежели опыт воцерковления, менее личный, менее интимный, что ли.

Рискну даже сказать, что поэзия абсолютно полно совмещается с верой, но плохо — с религиозностью. Рискну добавить, что самые христианские стихи написаны людьми нецерковными. Но это, разумеется, не отменяет искренности этой поэзии, възысующей утраченного цветущего райского сада.

Если угодить поэту звезде, мы можем представить себе звездное небо поэзии, состоящее из светил разной величины и яркости. Любовь Никонова — одна из самых ярких и настоящих поэтов на нашем участке небосклона. О ней можно сказать словами из ее же стихотворения о звездочке:

*...чистая ягодка
провинциального неба,
искорка божья, кровинка,
изюминка захолустья.*

На нашем сибирском небосклоне Любовь Никонова — звезда первой величины.

Сергей САМОЙЛЕНКО.